

Оттепель, засунутая в морозилку

Евгений Евтушенко к пятидесятилетию секретного доклада Н.С. Хрущева о Сталине на Двенадцатом съезде.

Посвящаю эту статью моему товарищу по оттепели и перестройке Виталию Коротичу

В ресторане ЦДЛ, бывшем «доме Ростовых», где Наташа танцевала на своем первом балу, есть особый отдельный кабинет, облагороженный тяжелой, более чем вековой мебелью, венецианскими зеркалами и английским классическим камином. Там наши олигархи принимают иностранных инвесторов, чокаются красноморхатным «Петрусом» или «Шато Марго», отмечая удачные сделки, а иногда приватно «оттягиваясь» и конфиденциально приглашая на скромный дружеский ужин или девиц не слишком нелегкого поведения, или чиновников и депутатов поведения такого, какое закажут. В этой комнате (почему-то под номером 8) когда-то был партком, куда обычно вызывали писателей на промывку мозгов. Именно туда, хотя я и не был членом партии, меня вызвали в первый раз, предупредив, что все услышанное мною не подлежит разглашению. Это случилось полвека назад, когда по Москве после 25 февраля 1956 года вместе со змеящейся поземкой поползли слухи, что на Двенадцатом съезде КПСС Хрущев выступил с разоблачениями Сталина. Наши газеты не напечатали доклада, и, таинственным образом вынырнув на Западе, он передавался так называемыми вражескими голосами, но советские глушилки заглушали иностранные радиопередачи, работая на полную мощь, и трудно было что-либо понять.

Мы тогда и догадаться не могли, что Хрущев, ведущий опасную игру, сам дал тайное указание переправить свой доклад за границу, но не решился опубликовать его в СССР. Вместо этого он решил ограничиться лишь конфиденциальной читкой вслух пронумерованных экземпляров с пометкой «Секретно» для отобранных парторганизациями людей на заводах, в колхозах, университетах, военчастях, причем запрещалось что-либо записывать на магнитофон или даже карандашом.

На одну из таких читок неизвестно почему попал я, беспартийный, внук двух дедушек, арестованных в 1937 году как «враги народа». Выбирали, кого пригласить на читку, из-за общей растерянности и неразберихи, по-моему, совершенно случайно — так же, как когда-то арестовывали. В России даже террор без неразберихи не обходится.

В комнате № 8 собрались человек двадцать писателей — сборная солянка советской литературы.

Кто там был? Чудом уцелевшие могикане интеллигенции, еще говорившие «Извините» вместо «Извиняюсь», еще помнившие, кто такие Цветаева, Стравинский, Шагал. Наспех, кое-как слепленные из цемента и бетона первых пятилеток выдвиженцы в литературу из ударников, певцы сталеплавильных печей и тракторных конвейеров. Осыпанные золотыми медалями сталинских премий скользкие поперы коридоров власти. Фронтовики, на чьих завоеванных риском и собственной кровью медалях «За отвагу» был профиль человека, с именем которого умирали за Родину, а ведь это он, растерявшись при нападении, отдал ее на растерзание Гитлеру, расстреляв столько лучших командиров Красной армии еще в тридцать седьмом году.

В комнате № 8 были и те особые писатели, кто успешнее всего работал в поощрявшемся жанре доносов, и те первые редкие счастливики-жертвы их доносов, кто уже успели «отсидеть» за родной отечественной проволокой и вернуться. Но если они тогда и писали о лагерях, то лишь втихаря, без торопливых надежд. Так что Хрущев оказался первым писателем лагерной темы.

Читчиком документа был прозаик-документалист Юрий Пиляр — узник Маутхаузена, участвовавший в интернациональном антифашистском восстании военнопленных в 1945 году. Он казался мне человеком, восставшим из мертвых: почти безволосая голова, больше похожая на голый череп, туго обтянутый прозрачной кожей, казалось, добела вымытый дождями, высушенный ветрами и с глубокими провалами глаз, где зрачки были столь неуглядимы, как будто их не было. Читал он четко, монотонно, но иногда замедлял вдвое-втрое скорость чтения отяжелевшей медленностью произношения слов, а особенно цифр человеческих жертв, вдавливая математику сталинской жестокости в нашу память, чтобы мы ее не

забыли.

В комнате № 8 было мертвое, но кричащее молчание.

Статистика сталинского террора была за семью печатями, и Хрущев был первым, кто ее хотя бы чуть-чуть приоткрыл, но даже в эту узкую щель, словно из развороченной ломом вечной мерзлоты, больно резануло по глазам свечение обледенелых трупов.

В комнате № 8 становилось особенно морозно, как за полярным кругом в ГУЛАГе, когда Пиляр почти бесстрастно, но с подергивающимися от судорог скулами читал не ведомые никому доселе цифры эпилога Съезда победителей, впервые названные Хрущевым:

«Установлено, что из 139 членов и кандидатов в члены Центрального Комитета партии, избранных на Семнадцатом съезде партии, было арестовано и расстреляно (главным образом в 1937 — 1938 годах) 98 человек, то есть 70 процентов... Из 1966 делегатов съезда с решающим совещательным голосом было арестовано по обвинению в контрреволюционных преступлениях значительно больше половины — 1108 человек... В 1937 — 1938 годах Сталину были направлены 383 таких списка на многие тысячи работников и была получена его санкция... А какие доказательства пускались в ход? Признания арестованных. Но как можно получить от человека признания в преступлениях, которые он никогда не совершал? Только одним способом: применением физических методов воздействия, путем истязаний, лишения сознания, лишения рассудка, лишения человеческого достоинства. Так добывались мнимые признания».

Я цитирую эту речь по официальному советскому источнику — по уже пожелтевшим «Известиям ЦК КПСС» марта 1989-го — первой публикации доклада в нашей стране, запоздавшей на 33 года (!!!) Все в комнате № 8 были подавлены даже этими весьма скромными по сравнению с нынешней, чаще всего предполагаемой цифрой арестованных и уничтоженных людей — не менее 20 миллионов, — которая до сих пор не подтверждена ни в одном из наших официальных учебников истории.

Солженицын в «Архипелаге...» назвал другую цифру жертв, которая уж совсем не укладывается в мозг — 66 миллионов, — сложив человеческие потери во время Гражданской войны, голода, коллективизации, Второй мировой, где своих убивали в спину заградотряды.

Если наша страна сейчас и занимает хотя бы в чем-то первое место, то, без всякого сомнения, по государственной застенчивости. Когда же и кто наконец назовет точную цифру и внесет в наш календарь день поминовения убиенных на войне государства с собственным народом? Играющий в прятки с прошлым не спрячется от прошлого в будущем — оно его и там найдет.

Несмотря на слишком много оговорок, умалчивания, балансирования, заискивания перед партией, идеализацию Ленина, лично подписавшего декрет о создании в 1918 году первого концентрационного лагеря в Соловках (о чем мы, еще совсем юные шестидесятники, не знали), доклад Хрущева был подвигом, доказательством возможности мук совести даже в такой не самой совестью профессии, как политика.

Черчилль точно определил двойственность Хрущева — может быть, неизбежную для человека его судьбы: «Хрущев хотел перескочить пропасть в два прыжка». Эта двойственность отражена в памятнике Эрнста Неизвестного зигзагообразными переходами белого мрамора в черный и наоборот. Хрущевский период после смерти Сталина, получивший с легкой руки Эренбурга имя «оттепель», множество раз прерывался заморозками, а иногда и жестокими.

Литинститутский поэт Иосиф Курлат невольно оказался провидцем, написав стихи: «Деревья, деревья, цветы еще рано...».

Вскоре после доклада, в том же 56-м году, Сталин, сидящий внутри самого Хрущева, жестоко подавил восстание в Будапеште, в 57-м году отдал идеологическим овчаркам на расправу антиноменклатурный роман Дудинцева «Не хлебом единым», после выступления в защиту которого меня исключили из Литинститута, а в 1959 году позволил начать травлю Пастернака за роман «Доктор Живаго».

Тогда-то меня во второй раз вызвал в ту самую комнату № 8 один парткомовский начальник, неизвестно за какие книги попавший в члены Союза писателей, похожий на бородатенького гнома из мультика про Белоснежку, но вот глаза у него были не гномьи, а только притворяющегося добреньким Кощея из совсем другого мультика. Он сначала ласково уговаривал меня выступить от имени молодежи на собрании писателей против Пастернака, от чего я наотрез отказался.

Моя неуступчивость привела его в раздражение, и он уже не скрывал этого:

— Вы что, не видите, сколько опаснейших микробов ожило во время этой вашей оттепели. Откроешь какой-нибудь толстый журнал, а оттуда вонь идет. Пора положить этому конец, а вашу оттепель засунуть в морозилку...

Я с пылким романтизмом воскликнул:

— Это не оттепель, а весна...

Он цинично ухмыльнулся:

— А вы такую пародийку разве не знаете:

Прошла весна, настало лето.

Спасибо партии за это...

Так вы лучше скажите спасибо партии, пока она вам еще предлагает проявить ваш патриотизм. А потом, может быть, уже и предложений не будет...

И я вдруг увидел сверкнувшие из его гномьей бородки волчьи желтые клыки...

Оттепель потом много раз то размораживали, иногда на очень короткое время, то снова швыряли в морозилку, как было и при самом Хрущеве, и после него. Вспомните сооружение Берлинской стены в 1961-м, знаменитую фотографию гдээрзовского солдата, который, сбрасывая с плеча ненавистный ему автомат, перепрыгивает в последний момент через натягиваемую колючую проволоку. А ведь это было в тот же год, когда Гагарин прорвался в космос и весь мир аплодировал ему! Мы сами разрушали восхищение нами. А в 1962 году «Один день Ивана Денисовича» (опять-таки благодаря Хрущеву) пробился сквозь цензуру, и в пробитую брешь потянуло незнакомым долгожданным воздухом свободы.

Но в том же году было безжалостное подавление голодной демонстрации новочеркасских рабочих, на Кубу повезли засыпанные пшеницей ракеты, а потом на фоне общей опасной нервозности и в нашей стране, и в мире разыгрался нелепый, карикатурный скандал, когда глава государства, топая ногами и махая кулаком, поучал художников и писателей и кричал: «Забирайте ваш паспорт и убирайтесь за границу!» — будущему автору его надгробья.

Я и сейчас снова слышу сквозь подзуживающе подобострастный визг кремлевской черни: «Вон! Вон!» — удар хрущевского кулака по столу и выкрик: «Горба того могила исправит!», а затем — удар другого кулака по столу, теперь уже моего, но как будто чужого, онемевшего от того, что я им тоже стукнул, и мой собственный, но тоже словно чужой, не слушающийся меня самого, застрявший в горле и все-таки вырвавшийся голос: «Нет, времена, когда людей исправляли могилами, прошли. И, надеюсь, навсегда». «И его тоже вон! И его!» — переадресовался на меня хоровой визг. И вдруг я увидел, что Хрущев посмотрел на этот хор с мрачным презрением, как будто предвидел, что когда-нибудь так же подобострастно «сдадут» и его самого. Верноподданническое беснование всегда есть готовность к предательству. Как писал Есенин в «Пугачеве»: «А казалось, казалось еще вчера, /Дорогие мои, дорогие, хор-рошие...». Я вдруг понял, что это Хрущеву уже давно не казалось. Затем он сделал повелительное атаманское движение ладонью вниз, останавливая так называемую поддержку так называемой интеллигенции, и, неожиданно повернувшись ко мне, не зааплодировал, а вовсе не «бурно» и не «продолжительно» раза три медленно и увесисто хлопнул в ладоши, не очень охотно, но все-таки выражая мне поддержку.

Хрущев во время дуэли в Манеже на великом и могучем языке со скульптором Эрнстом Неизвестным назвал его «пидарасом», а тот, к его изумлению, предложил ему поставить в определенной позе хоть целый женский батальон и начать соревнование в мужском деле. Тем не менее Хрущев все же позаботился о том, чтобы этому скульптору, который ему понравился за такую находчивость, потихоньку дали госзаказ на панно в одном «почтовом ящике» в Зеленограде. А мне неожиданно раздался звонок от помощника Хрущева — Лебедева:

— Никита Сергеевич приглашает вас в Кремль на встречу Нового года.

— Вообще-то у меня есть приглашение в ФРГ, да вот документы у вас в ЦК где-то застряли... — практично пожаловался я.

— А вы что, хотите, чтобы вас все любили? Что-то по вашему поведению непохоже. Вы приходите, а

там разберемся...

Это была самая невероятная новогодняя ночь в моей жизни. Столы в Кремлевском дворце были расположены в виде гигантской буквы П. За главным столом, являвшимся перекладной буквы, восседали «портреты» — то есть члены Политбюро и сам Хрущев. Все они, за исключением Суслова с лицом скопца-инквизитора, довольно охотно прикладывались к рюмке, особенно Хрущев. По-моему, не стеснялись в этом и сидевшие вместе в отдельной ложе наш православный патриарх, и главный раввин, и главный ксендз, а вот за муфтия не ручаюсь, но, по-моему, и он согрешил.

Когда старейшина дипкорпуса шведский посол Сульман, подняв тост за Хрущева, неосторожно сказал что-то вроде: «Хотя я и далек от идей коммунизма, я люблю ваш народ и вашу культуру», — Хрущев, уже изрядно навеселе, перебил его и погрозил ему пальцем: «Э, господин Сульман, не лукавьте — тут я вам не поверю. Как же это возможно, столько лет жить у нас и не проникнуться самыми лучшими в мире идеями коммунизма (мягкий знак у Хрущева в этом слове был психологически непреодолим. — Е.Е.). Да вы давным-давно уже тайный большевик, господин Сульман».

Старейшина дипкорпуса с панически растерянной улыбкой отрицательно замотал головой: «No... по... по...»

Но пиком всего было то, когда после сентиментального выступления какого-то, кажется, самого древнего большевика в СССР, похожего на вытасченного из пронафталиненного сундука, мало чего понимающего, последнего Дон Кихота «коммунизма», после умиленного челомканья с ним прослезившийся Хрущев снова вдохновился. В Политбюро он был последним человеком, который еще не потерял способность время от времени вдохновляться.

Вот какое сенсационное заявление сделал он, незафиксированное, может быть, потому, что все были слишком пьяны и восприняли это как новогодний розыгрыш. Ахматова говорила, что прямой речи в воспоминаниях никогда нельзя доверять. Поэтому я ручаюсь не за точность хрущевских слов, но, во всяком случае, за их главный смысл.

— Господа и товарищи, и вы, господин Сульман. Вот мы с вами только что видели искреннего коммуниста, чистого человека, и сердце у меня болит от того, что таких людей все меньше и меньше. Что же случилось с нами? Почему? Ни у одной партии на свете нет столько власти в руках, сколько у нашей. Она самая народная в мире. Вот в Америке кто за республиканцев голосует, кто за демократов... Народ ориентацию теряет. А у нас весь народ сориентированный, и все одну партию поддерживают. С одной стороны, оно, конечно, хорошо, а с другой стороны, и опасно. Знаете, есть такие рыбешки, которые прилипают к самым крупным, прилипали называются. Так вот, у нашей партии прилипал слишком много. Какие это коммунисты! Это же карьеристы, а партбилет для них — как пропуск наверх... Мы не для карьеры с трехлинейками в перекопской грязи под пулями ползали, бетон босыми ногами в первые пятилетки месили. А сейчас мы в Америку приезжаем, и нам под эти бывшие босые ноги красный ковер стелют, и оркестр капитализма, что во все трубы дует, а? Гимн коммунизма!.. Гордость распирает, рабоче-крестьянская гордость. Но иногда я, как в страшном сне, просыпаюсь и места себе не нахожу: сколько у нас в партии честных коммунистов, а сколько прилипал? Как разобраться? Чистку устроить? Странновато становится — скольких придется вычистить. Кто ж с нами останется? Однажды, такой вот ночью бессонной, пришла мне в голову мысль: а что если... а что если... взять да объявить весь наш народ народом коммунистов, чтобы привилегии для членов партии исчезли все до одной. Пусть все будут, как говорится, с колыбели коммунисты, но без привилегий... То есть, чтобы партию очистить, нужно партию отменить, весь народ партией сделать. А вообще если говорить о будущем, то когда-нибудь все человечество каким будет? Человечеством коммунистов, господин Сульман! И вас я в этих рядах вижу рядом с собой и с внуками вашими и моими. Так за них — за наших внуков!

Ко мне подсеменял помощник Хрущева Лебедев.

— Евгений Александрович, сейчас мы все сворачиваем. Мы, слава богу, магнитофоны корреспондентские нейтрализовали. Не дай бог, Никита Сергеевич так разговорится, что его не остановишь... Но он хорошо внуками закончил, не правда ли? Вам понравилось? Это каждого трогает. Да вы вставайте, все уже кончилось. Но только постойте с женой около вашего стола, не уходите. Никита Сергеевич хотел с вами поздороваться при всех, чтобы все видели. А то распускают слухи, что он с писателями поссорился... Да

вот и он идет. Да встаньте же вы, ради бога, он же все-таки старше вас.

Хрущев действительно замедлил шаги около меня и жены, взял меня за плечи, приблизил к себе и, улыбаясь, чуть меня развернул перед фотокорреспондентами. Говорил он преувеличенно громко: «Ну, с Новым годом и вас, и вашу семью! Это ваша жена, я вас правильно понял? Вы, я слышал, в ФРГ собираетесь? Слово писателя с борьбе за мир сейчас ох как нужно. Хотя мы с вами и поцапались немножко, вашу песню «Хотят ли русские войны» люблю, да и сам при случае пою, и глаза на мокром месте», — и повернулся, и пошел вперед, не снимая руки с моего плеча, увлекая меня за собой, и вдруг еле слышно прошептал мне на ты: «Пусть видят, что мы с тобой не в ссоре. А то ведь съедят тебя — только пуговицы будут выплевывать. Ты их так разозлил, что они тебя за границу выпускать не хотели... Сейчас эскалатор, осторожней, не споткнись...».

А когда сошли с эскалатора, ко мне подскочил ненавидевший меня сладенько-ядовитый секретарь ЦК по идеологии Ильичев и засюсюкал:

— Евгений Александрович, драгоценнейший вы наш... С вашей поездкой в Германию все в порядке, не беспокойтесь.

Вдруг вальяжно и увеселительно обнаружился наш тогдашний президент Брежнев, что было в те времена должностью символической: «С Новым годом моего любимого поэта... А я вот сейчас танцевать со Снегурочкой буду. Я ведь единственный из членов Политбюро, кто вальс танцует. За это и в президентах меня держат...».

...Все еще было впереди — и нападки на меня за мою поездку в ФРГ, где я предсказал воссоединение Германии до конца этого века, после чего разъяренный Вальтер Ульбрихт звонил Хрущеву и требовал меня отозвать, на что тот ответил: «Ну что мне делать с этим Евтушенкой, товарищ Ульбрихт, — послать в Сибирь? Но ведь он же родился в Сибири...» — и спровоцированное всякими подсказчиками раздражение Хрущева стихотворением «Бабий Яр»; и, наконец, заговор бюрократии по устранению надоевшего ей непредсказуемостью царя-мужика; и тот эпизод этого заговора, который я случайно видел в провинциальном аэропорту, когда Хрущев, еще только вчера разговаривавший с летящими в мировой бесконечности космонавтами, возвращаясь из отпуска в Москву, вошел в самолет, а трап с его охраной вдруг стремительно покатился назад, оставив его одного; и мой приезд к нему, уже пенсионеру, когда он попросил меня передать извинения всем писателям, с которыми вел себя «непростительно грубо» (выражение самого Хрущева), а когда я спросил почему, он ответил: «Да потому что я где-то понимал, что вы были правы, и еще больше от этого злился и на вас, и на себя самого. Но все-таки ни один волос с вашей головы не упал. Разве не так?». Он мне подарил тогда большой пакет помидоров, которые сам выращивал в парнике. Помидоры были похожи на него — бугристые, бородавчатые, и последние из них я ел за обедом, когда мне позвонила по телефону его приемная дочь и сквозь слезы сообщила, что Никиты Сергеевича не стало.

Его сын, Сережа Хрущев, который недавно выступал с воспоминаниями в университете Талсы (Оклахома, США), сказал мне, что, оказываясь, я был последним гостем Хрущева.

...Когда сняли Хрущева, при котором все-таки не было ничего похожего на сталинские процессы, начиная с 1966 года уже состоялся суд над писателями Синявским и Даниэлем и пошла постоянная охота за ведьмами, закончившаяся психушками, танками в Праге, войной в Афганистане. От тепель надолго угодила в морозилку.

Интеллектуалы-националисты даже вытаскивали для оправдания дореволюционную цитату из Леонтьева, что Россию-де надобно подморозить.

Но горбачевская перестройка была дочерью хрущевской оттепели.

А о том, что случилось с ней дальше, что происходило и что происходит сейчас, разговор еще впереди.

Царь-мужик,
на стебле
сломавшемся кукурузном, —
это он вытягал на горбу,
желваками бугрясь,
гроб эпохи своей,
надрываясь под грузом,
от холопского страха дрожа,
оступаясь в кровящую и грязь.

Царь-мужик,
там, в Калиновке, лапавший
девок на лавках,
ненавидевший терку,
которой на сталинской кухне
был терт,
он сыграл простачка-дурачка
в развеселеньких бородавках
и царю-пахану о том стил
за подсунутый в пьянке
под задницу торт.

И за то, что внутри волчьей
стаипошел на восстание
и разламывать начал
барачную нашу тюрьму,
и за то, что, все ногти
о страх ободрав,
из себя выцарапывал
Сталина,
благодарными будем ему.

Не по-царски носил
свою голову он,
словно шляпой покрытую
редьку.
«Коммунизм» для него
был одним из треклятых,
непроизносимейших слов.
Он Гагарина и Солженицына
крестный отец,
да и в живописи
юморист-теоретик.
Сколько дров наломал,
но зато сколько спас он голов!

Запихали в могилу его.
Сдался, капитализму могилы
не вырыв.
Что-то скучно
без стука мужицким
ботинком
пахучим в ООН.
От хрущевских ракет
и до нынешних ракетиров —
вот зигзаги сегодняшних
поствавилонских времен.

Чтобы память Хрущева
почтить,

пригласила семья
не лепилку-мазилку,
а штрафбатовца-скульптора,
кто его матом в Манеже
покрыл.
Мрамор был черно-белый,
как совесть,
а от тепель сунули
в морозилку,
и для нас,
как для новояпонцев,
Курилами сделался Крым.

Все же лучше хрущобы,
чем кров, бывшим братством
народов сожженный.
На могилу царя-мужика,
кто отходчив бывал
и жесток,
его бранью когда-то
крещенный,
но все-таки им защищенный,
опускаю нелестивый,
зато и нелживый цветок.

Автор: Евгений Евтушенко © Новая газета ИСТОРИЯ, РОССИЯ 👁 3107 23.02.2006, 14:29 📄 303
URL: <https://babr24.com/?ADE=28085> Bytes: 22032 / 21640 Версия для печати Скачать PDF

👍 Порекомендовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:
newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Евгений
Евтушенко.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: [@bur24_link_bot](#)
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: [@kras24_link_bot](https://t.me/@kras24_link_bot)
эл.почта: krsyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: [@nsk24_link_bot](https://t.me/@nsk24_link_bot)
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: [@tomsk24_link_bot](https://t.me/@tomsk24_link_bot)
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: [@babrobot_bot](https://t.me/@babrobot_bot)
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)